

ПОЛИСЕМИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ПРОСТОЙ* В ЗЕРКАЛЕ КОМПОЗИТОВ

«Полисемия есть, по всей вероятности, семантическая универсалия, глубоко коренящаяся в фундаментальной структуре языка», — писал С. Ульман [Ульман 1970: 267]. С тех пор как М. Бреаль ввел термин полисемия для описания употребления одного слова в двух и более значениях, данный феномен получил двойную идентификацию. С одной стороны, были попытки рассматривать полисемию как сугубо диахроническое явление. Так, например, Ж. Вандриес писал: «Допуская, что слова имеют основное и второстепенные значения, связанные с первым, мы ставим вопрос на историческую почву ⟨...⟩. В живом языке слово в каждый данный момент имеет только одно значение» [Вандриес 2001: 169]. С другой стороны, принято считать, что полисемия существует исключительно как явление синхронии; ср., например, мнение Д. Н. Шмелева, который, признавая, что значения многозначного слова и соотношение между ними обуславливаются историей развития слова, полагал, что для языкового общения, имеющего место на синхронном срезе, важна не сама история, а ее результат [Шмелев 1973: 22]. Наконец, большинство исследователей видят в полисемии два плана: «Polysemy is, obviously, a projection of the historical development on to the synchronic plane (meaning B developed from meaning A; meanings A and B are two branches at the polysemic diagram)» [Sappan 1983: 10].

Отрыв синхронии от диахронии при изучении полисемии может привести к искусственному разрыву семантических связей между производящими и производными словами. Еще Е. Курилович отмечал, что производные основы сохраняют более древнюю семантику, чем непроизводные [Kuryłowicz 1977: 30]. Если для языкового общения, имеющего место на синхронном срезе, важна не сама история развития слова, а ее результат, то производные слова, базирующиеся на значениях, утраченных производящим словом, следует признать немотивированными. Однако существуют случаи, когда такое решение интуитивно ощущается как неправомерное.

Рассмотрим соотношение многозначного прилагательного *простой*¹ и композитов, включающих в качестве первого компонент *прост(о)-*. Эти композиты мож-

¹ История семантического развития прилагательного *простой* рассмотрена в [Бабаева 2006].

но объединить в следующие группы: 1) *простонародность, простонародно, простонародный, простонародье*; 2) *уст. простолюдн, уст. простолюдника*; 3) *просторечие, просторечно, просторечный*; 4) *простодушие, простодушно, простодушный*; 5) *простосердечие, простосердечный, простосердечно*; 6) *простофиля*; 7) *простокваша*; 8) *простоволосый*.

В каких же значениях входит прилагательное *простой* в данные композиты?²

По всей видимости, наиболее прозрачной для носителей современного литературного языка является семантическая структура слов *простолюдн, простолюдника* (диал. *простолюдн, простолюднмый*). Кажется очевидным, что в данных словах прилагательное *простой* реализует значение ‘такой, который не принадлежит к привилегированному сословию’. Это значение фиксируется в древнерусской письменности с XIII в.; в современном русском литературном языке данная лексема слова *простой* сочетается с названиями людей, а также со словами *люди, народ*: *Сюда не допускался простой народ* (В. Ходасевич, Белый коридор). Согласно [СРЯ XI—XVII], существительное *людн* могло иметь значение ‘человек, не принадлежащий к привилегированному сословию’. Таким образом, можно говорить о том, что в композите *простолюдн* один и тот же смысл выражен дважды. В существительном же *простонародье*, а также в прилагательном *простонародный*, в тех редких случаях, когда оно характеризует человека, сохраняется семантическая структура словосочетания *простой народ* (*из простого народа*); ср.: *простонародная публика* [БТС], а также диал. *простонародный человек* (киргиз. (прииссыкул.)).

Др.-рус. слово *простолюдн* фиксируется также в значении ‘человек, не принадлежащий к духовенству или монашеству’; ср.: *И для антиминосов прислать к Москве попа или диакона, а не простолюдина* (Грамота патриарха Иоакима, 1686). И в этом случае представлено дублирование одного и того же смысла, так как и прилагательное *простой* и существительное *людн* могли иметь значение ‘мирянин’; ср.: *Приммишим рукоположение от епископа... чести чтения и апостол, Пети прокымены... а простым ни Пети, ни чести* (Послание архиепископа Геннадия, 1490—1494); *епископом... не сжительствовати женами, яже еще людины сущее пояша* (Сочинения Максима Грека, XVI—XVII ≈ XVI).

В обоих случаях речь идет об отражении в языке устройства социальной иерархии: слово *простолюдн* указывает на то, что человек не принадлежит к особо выделенной группе людей — будь то аристократия (ср. *из низов* VS. *из благородных, из дворян*), духовенство или монашество.

В словах *простонародный, простонародность, простонародно; просторечный, просторечие, просторечно* прилагательное *простой* имеет значение ‘такой,

² Далее в настоящей работе качестве источников для примеров употреблений слов в древнерусской письменности используются материалы [СРЯ XI—XVII], Картотеки [Там же], [СДРЯ XI—XIV], Словаря И. И. Срезневского ([Срезневский I—III]). В качестве источников для примеров употреблений слов в диалектах используются материалы [СРНГ], а также словаря В. Даля ([Даль I—IV]).

какой бывает у представителей непривилегированного сословия'. В современном русском литературном языке прилагательное в данном значении сочетается со словами, обозначающими группы людей (*сословие, слой...*), а также со словами *происхождение, звание*; ср. также уст. *подлого рода*, а также отмеченное в др.-рус. списках «О полонении Иерусалима» Иосифа Флавия слова *простородный* (в знач. сущ.), *простородие*.

Заметим, что, сочетаясь со словом *человек*, прилагательное *простой* реализует другое значение: оно указывает на то, что характеризующийся человек ничем не отличается от других людей, является *обыкновенным, обычным, рядовым, ничем не примечательным*; ср.: *простой смертный*. Прилагательное *простой*, реализуя значение 'такой, который принципиально не отличается от других однородных объектов', сочетаясь с широким кругом существительных, может характеризовать не только людей. В частности, оно характеризует некоторый отрезок времени: *Обычай же бе многолежных старцу на всяк день молебны пети, или праздник или прост день... случашеся* (Записки Иннокентия о последних днях учителя его Пафнутия Боровского, XVI ~ 1487); *диал. В простой день некогда* (киров., перм., юго-зап. сиб., сиб., арх. 1898, влад.); *диал. Шей да пори, да не будет простой поры* ((посл.), волог. 1854, вят.); *Это че выфрантились в простое время, раньше такие платья только по годовым праздничкам одевали* (ср. Урал., перм., сиб., иркут.). В диалектах зафиксированы сложные слова *простоденный, простодневный*, в которых компонент *прост(о)-* имеет данное значение; ср.: *диал. простоденные сарафаны да праздничные* (арх.); *диал. простодневная пища* (том.).

Обратимся теперь к слову *простофиля*. Оно возводится к прилагательному *простой* и к уменьшительному имени *Филя* ([Преображенский II: 381; Фасмер III: 134]). В. В. Виноградов, занимавшийся историей этого слова, обратил внимание на то, что имя *Филя* не позднее XVIII в. приобрело «экспрессивно-бранное и презрительное значение дурачка»; ср. *филькина грамота* — «невежественный, безграмотно составленный документ» [Виноградов 1994: 578—581].

В современном русском литературном языке прилагательное *простой* имеет значение, которое в словарях современного русского языка толкуется следующим образом: 'недалекий по уму, глупый' [БАС]; 'недалекий, наивный' [МАС]; 'недалекий по уму, глуповатый, наивный' [БТС]; 'глуповатый, недалекий (*первонач.* неумный, глупый)' [СОШ]; 'глуповатый, недалекий по уму' [СУШ]³. Как видно из приведенных фрагментов толкований, прилагательное *простой* в этом значении синонимизируется со словами *глупый* (*недалекий, неумный*) и *наивный*. Однако очевидно, что прилагательные *глупый* и *наивный* по-разному характеризуют человека. Если *глупый* указывает на некоторую степень «дефектности» (ограниченности) ментальной деятельности человека, то *наивный* выявляет такие свойства человека, как доверчивость и отсутствие жизненного опыта. Вместе с тем эти прилагательные сближаются неслучайно. По всей видимости, в данном случае язык отчасти отражает представление о

³ Согласно МАС'у и БТС'у, это значение характерно для разговорной речи.

некотором изначальном состоянии человека («младенчестве»), когда его когнитивные возможности и жизненный опыт находятся в стадии формирования (ср. использование прилагательных *глупый, несмышленый, неразумный* применительно к ребенку). Таким образом, можно сказать, что прилагательное *простой* в данном значении указывает на то, что человек своим поведением демонстрирует недостаточность ума и/или жизненного опыта. Данное значение тесно связано с представлением о мере свойства и о возможности его разной оценки.

С одной стороны, отсутствие жизненного опыта и связанное с ним неадекватное с точки зрения говорящего осмысление ситуации может оцениваться положительно как свидетельство изначальной «невинности» человека, непричастности плохому (ср. *невинный младенец*). Данное свойство подразумевает открытость, доброжелательное отношение к людям, готовность помогать им. В силу этого прилагательное *простой* может использоваться для указания на то, что человек является добрым: *диал. Простой — добрый, не скупой человек: все пополам разделит, каждому дает* (свердл., новосиб., иркут.); *диал. Человек простой, хороший. Он последнее отдает, не жалеет ничего, а другой скупой* (арх.)⁴.

С другой стороны, предполагается, что человек в процессе жизни проходит «обработку» воспитанием, образованием, опытом. Отсутствие необходимого жизненного опыта и неспособность правильно оценить ситуацию и мотивы, движущие людьми, может восприниматься негативно как свидетельство «дефектности» человека, его «слабоумия»⁵. Ср., например: *диал. Пошто ты веревку-ту отдала, простая дак простая и есть, топерь вот самим за соломой ехать увязывать нечем* (твер., моск., ряз.). Особенно ярко негативная оценка этого свойства проступает в производных словах, содержащих основу *прост-* (ср., например, *простак*).

Эта двойственность оценки сохраняется и в употреблении слова *простофиля*. С одной стороны, *простофиля* — это человек, который неспособен адекватно осмыслить ситуацию: в этом случае смысл ‘глупый’ дублируется; ср. зафиксированное В. Далем прилагательное *простодуроватый*. Соответственно в номинациях типа *дурачина-простофиля, дурачок-простофиля* этот смысл выражен трижды. В диалектах это слово может использоваться для характеристики отдельных негативных с точки зрения социума поведенческих особенностей человека: так, согласно [СРНГ], в тамб. диалекте оно имеет значение ‘ротозей, зевака’⁶, в яросл. и

⁴ В тверск. диалекте отмечено слово *простота* в значении ‘доброта’; ср. также словосочетание *узнать простоту* ≈ *пользоваться чьей-л. добротой, доверчивостью: Въезжают, как на дворню к нам, узнали простоту* (р. Урал).

⁵ Ср. представление о *доверчивом, открытом* человеке как о таком, которому свойственно преуменьшать возможность плохих поступков со стороны других людей или возможность плохого развития событий [Богуславская 2006].

⁶ Заметим, что слово *простофиля* имеет ряд коннотаций, касающихся особенностей внешнего облика человека, которому приписывается данное свойство, совпадающих с коннотациями, связанными с представлением о «слабоумии», в частности слегка

сарат. диалектах — ‘неповоротливый, нерасторопный человек’, в курск. диалекте (1849) — ‘неопрятный человек’. Вместе с тем в новг. и арх. диалектах слово *простофиля* используется для характеристики нежадного, бескорыстного человека; ср.: *диал. Мать его росла такая простофиля, сама не съест, отдаст* (арх.). На связь между двумя оценками указывают промежуточные употребления, в которых слово *простофиля* выступает в качестве ласкательной номинации.

В древнерусской письменности и в диалектах фиксируются композиты, имеющие в качестве первого компонента основу *прост-*, а в качестве второго — корни, называющие орган, ассоциирующийся с ментальной деятельностью, или же саму эту деятельность: *простоумие, простоумный, простоумый, простоумка, просто-разумие, простодумец, простодумка, простодумок*. Двойственность оценки свойства *простой* прослеживается и в значениях этих сложных слов. Как в древнерусской письменности, так и в некоторых диалектах они характеризуют «дефектность» ментальной деятельности человека, излишнюю наивность; ср., например: *Скорблю о том, что украдох лошада(ь) от просторазумия* (Житие Никандра Крыпецкого Псковского, XVII ≈ 1581); *У него дядя Десятко простоумой* (Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в., 1685). Однако характеристики *простоумный, простодумка, простодумок* могут указывать и на доброту человека; ср. *диал. А она бабка была простоумная и этой женицине все подавала* (казаки-некрасовцы), а также *диал. простоумка* (казаки-некрасовцы), *диал. простодумок, простодумец, простодумка* в таком же значении⁷.

Согласно СРНГ, в диалектах представлены слова *простодыра, простодыра, простодырый*. Отмеченная выше двойственность оценки свойственна и этим характеристикам. Так, обычно эти характеристики являются негативными и указывают на «дефектность» мышления человека; ср.: *диал. Ну что за простодыра! Взьяла да отдала сковороду! Чай она деньги стоит!* (краснодар.); *диал. Эх ты, простодыра! Чаво вперед себя всех пуцаешь?* (р. Урал); *диал. Это ведь ты простодырая, все готова отдать* (перм.); Между тем *диал. простодыр* (вост-казах) может иметь значение ‘отзывчивый, щедрый человек’.

приоткрытый рот; ср.: *Был он малость губастый, с несколько разинутым ртом простофили* (Асар Эппель, Кастрировать Кастрюльца). Как видно из контекстов, представленных в Национальном корпусе русского языка, *простофиле* достаточно регулярно приписывается свойство «зевать», быть невнимательным. Ср.: *Ступай, простофиля, прозеваешь! а я пойду за блондинкою* (Н. В. Гоголь, Невский проспект); *Они хохочут над «дядей Сараем», так арестанты называют «простофилю», «разиню», который спит и не слышит, что у него отнимают последнее* (В. М. Дорошевич, Сахалин (Каторга)); *Один из несчастных лезет в карман, достает бумажник и — о разиня, о простофиля! — вытягивая пятидесятимарковую бумажку, не умеет скрыть от ястребиного взора хозяйки и другие деньги* (Виктор Розов, Удивление перед жизнью).

⁷ Ср. контексты, в которых прилагательное *простой* характеризует ум, передавая при этом положительную оценку: *Бе же Изяслав... прост муж умом не вздая зла на зло* (Лаврентьевская летопись, 1377); *Бе же сеи муж некнижен, но умом прост* (Московская летопись, XV).

Однако внутренняя семантическая мотивировка употреблений слов *просто-дырь*, *простодыра*, *простодырый* принципиально отличается от тех случаев, которые были рассмотрены выше. Как хорошо известно, процесс мышления в языковой картине мира обычно связывается с головой, которая предстает как орудие и место этого процесса. Нарушения процесса мышления могут связываться с «пустотой»: отсутствием самой головы или находящегося в ней мозга (ср. с *головой* VS. *без головы*; *безмозглый*; *пустоголовый*, зафиксированное в словаре В. Даля слово *пологоловый* или выражение *голова дырявая*). Заметим, что, согласно ЭССЯ, праславянский корень **dur-* (представленный, в частности, в слове *дурак*), связан с **duti*, **dixъ*, что говорит о возможности реконструкции древнего семантического перехода ‘дутый’ → ‘пустой’, предшествовавшего формированию на основе данного корня номинаций для человека, который имеет различные «дефекты» поведения.

В ряде диалектов (волог., арх., перм., ряз., р. Урал) прилагательное *пустой* используется для характеристики глупого человека; ср. пример из СРНГ: *диал. Мы думали, что мука растет, вот до чего пустые были*. Слово *пустой* может указывать, с одной стороны, на наличие внутри объекта пустого пространства, окруженного со всех сторон однородным материалом, а с другой стороны, на отсутствие того, чего в данном месте естественно ожидать (данные формулировки взяты из словарных статей О. Б. Богуславской [НОСС: 787, 898]. В первом случае оно является синонимом прилагательного *полый*, а во втором — прилагательного *порожний*. Трудно сказать, какое из этих значений определяет смысл ‘неумный’. Можно сказать, что человек, имеющий «дефектное» мышление и, следовательно, поведение, описывается в языке двойко: а) как такой, в голове которого находится полость (пустое пространство); б) как такой, в голове которого нет того, что естественно ожидать (мозга, мыслительной деятельности).

В древнерусской письменности (с XVII в.) и в диалектах для прилагательного *простой* широко представлено значение ‘такой, где отсутствует нечто, чего в данном месте естественно ожидать’, реализующееся главным образом в сочетании с названиями емкостей, вместилищ, помещений. Ср.: *диал. Куды ведро то просто несеешь?* (свердл., южн. урал., уральск., тобол., новосиб.); *Нету простых кринок, все с молоком том* (Прииртышь); *Ящик у тебя простой или че в нем лежит?* (Забайкалье, якут., амур., юго-зап. Сибири, сиб.); *Дом-от простой стоит* (волог., нижегор., пенз., ряз.); а также глаголы *опростать*, *выпростать* и сложное диал. (моск.) слово *простоцвет* (ср. *пустоцвет*). Данное значение представлено в диал. словах *простоколье* (новосиб.), *простоколя* (ряз.) ‘свободное, ничем не ограниченное пространство’, *простокольно* (пск., ряз.), ‘свободно, просторно’, *простокольный* (ряз.) ‘не занятый, не заполненный чем-л. (о месте, пространстве)⁸. В словаре В. Даля представлено прилагательное *простопорожний*, в котором смысл

⁸ Прилагательное *простой* могло передавать также представление о свободе как отсутствии стянутости, стесненности; ср. *диал. простовивочный* (пенз.) ‘слабый, не тугой (о кочане капусты)’, *диал. простоязыкый* (якут.) ‘не воздержанный на язык’.

‘пустой’ выражен дважды. По всей видимости, аналогичным образом устроены и рассматриваемые слова *простодырь*, *простодыра*, *простодырый*.

К уже описанным словам примыкают характеристики *простокваши*, *простокиши*. Оба слова зафиксированы в древнерусской письменности в составе личных имен. Существительное *простокваши* как синоним к слову *простофиля* отмечается в яросл., костр. вят. и ворон. диалектах (ср.: *А царь и говорит им: — Эх, вы, простокваши. Не знаете и того: ведь эти голубки они и есть* (сказка).), существительное *простокиши* в этом же значении представлено в словаре В. Даля и зафиксировано в пск. диалекте.

Обратимся сначала к основным значениям данных слов. Существительные *простокваши* и *простокиши* в диалектах могут служить обозначениями для молока, не подвергнутого кипячению. Слово *простокваши* в этом значении отмечено в яросл. диалекте XIX в. и в арх. диалекте, слово *простокиши* — в волог. диалекте XIX в. Кроме того, оба слова широко используются для обозначения кислого молока. Данные значения заставляют вернуться к представлению об обработке. Обработка сама по себе подразумевает выделение некоторого начального («природного», «сырого») состояния объекта, который впоследствии меняется в результате воздействия со стороны человека. Более частным случаем оппозиции ‘природный (изначальный) VS. ‘обработанный’ является оппозиция ‘природный VS. ‘обработанный термически’. Действительно, прилагательное *простой* в диалектах может указывать на отсутствие термической обработки; ср.: *диал. Тебя от простого-то [молока] лихотит* (новосиб.); а также *диал. простомывка* ‘стирка без кипячения’ (дон.): *А рубахи простомывкой промыли; диал. простомылочный* (курск.) (о белье) ‘постиранное в холодной воде, без кипячения’.

Если объектом является сам человек, «природность» соотносится с отсутствием одежды (т. е. с актом рождения или сотворения человека). Прилагательное *простой* в старославянских текстах могло иметь значение ‘голый’; ср.: *Проста ч(е)л(ове)ка пропяхом* (греч.: *ψιλός*; Супрасльская рукопись, XI). Это значение в диалектах представлено в сочетании с названиями частей тела; ср. *диал. Навою, наплачуся над простыми коленями* (костр.). Данная лексема вычленяется в *диал. простоножки* (новосиб.): *Поранешному называли простоножки, а теперь ботинки*; ср. совр. *босоножки*, а также в композитах *простоволосый*, *простовласый*, *простоволоска* (‘женщина с непокрытой, а также непричесанной головой’: южносиб. 1847; новосиб., кемер., волог., арх., КАССР, ленингр., ворон., краснояр.; ср. толкование В. В. Даля: ‘незамужняя и вольного поведения, самокрутка; иногда расплетает косу на двое, но платка не носит’); *простоволосица* (согласно В. В. Далю, ‘бабья потасовка, платки летят с голов’)⁹.

⁹ Совр. глагол *опростоволоситься* указывает на неадекватный с точки зрения социума поступок (ср. также глагол *опростофилиться*). Интересно, что прилагательное *простоволосый* может в брян. диалекте употребляться субстантивированно для характеристики глупого человека.

Вместе с тем наряду с оппозицией 'природный' VS. 'обработанный' следует выделить оппозицию 'минимально обработанный' VS. 'максимально обработанный', в формировании которой также может участвовать прилагательное *простой*. Прилагательное *простой* в значении 'такой, который прошел минимальную обработку, позволяющую использование в соответствии с основным предназначением' (ср. *грубый, низшего качества, низшего сорта, низкосортный*) сочетается в современном русском языке с названиями *материалов* (ср. *простая кожа; Штаны из простой парусины*), а также со словом *помол*. Этот же смысл представлен в композитах *диал. простомол* (челяб.), *диал. простомолка* (амур.), *диал. простомолот* (амур.), *диал. просторазмол* (амур.) 'мука грубого помола вместе с отрубями', *диал. простомольный* (амур.) 'смолотый грубо, без просеивания и отделения отрубей'.

Возвращаясь к словам *простокваша, простокиша* в применении к человеку, можно сказать, что их внутренняя мотивировка связана, во-первых, с переосмыслением представлений об обработке как о развитии человека (воспитании, образовании, приобретении опыта) и, следовательно, об отсутствии обработки как о стагнации личности и, во-вторых, с дублирующим этот смысл представлением о записании как отсутствии заметного глазу движения (ср. глагол *киснуть* в значении 'вести однообразную, бездеятельную жизнь', например, *киснуть на даче*). В современном литературном языке представлены, хотя и не широко, контексты, в которых слово *простокваша* используется для характеристики человека нерешительного, пассивного; ср.: *Тыловая простокваша!* (Ю. Бондарев. Горячий снег); *Я ни в одной стране не чувствовал себя столь растерянным от того, что постоянно оказывался либо чьим-то врагом, либо сильно разведенной простоквашей* (М. Задорнов. Египет).

Рассмотрим теперь слова *простодушный, простодушие, простодушно*. Эта группа может быть расширена за счет диалектных слов *простодуша, простодуший*. Слова данного ряда указывают на такие свойства человека, как 'наивность' и 'искренность'. Эти свойства отчасти сближаются: и в том и в другом случае речь идет об особом, доверительном отношении к другим людям. Однако если под наивностью может пониматься неумение с точки зрения говорящего адекватно воспринимать ситуацию (ср. рассмотренные выше слова), то искренность подразумевает сознательный отказ от стратегии «себе на уме» (т. е. обмана), поэтому обычно она оценивается положительно.

Обращение к древнерусской письменности и диалектам позволяет выявить контексты, в которых прилагательное *простой* характеризует *душу* человека; ср.: *Просту пред богом поставити возможем нашу душу* (Изборник Святослава, 1076); *диал. жить простою душою* (смол. 1914). Следует отметить, что в старославянских и древнерусских текстах в контексте глаголов *сотворить, стать, встать, быть, поставить* прилагательное *простой* реализует значение 'прямой' (т. е. 'находящийся в вертикальном положении')¹⁰. При этом в ряде случаев речь идет не о нейтраль-

¹⁰ См. подробнее в [Бабаева 2006а].

ном описании положения в пространстве, а об особой ситуации (например, «предстояния» перед святыней или подготовки к особой ритуальной практике: молитве, проповедничеству)¹¹. Ср.: *Приде близ святааго и ста прост* (Супрасльская рукопись, XI), а также *Въстают попове и стоять прости* (Студийский устав, XII). Можно предположить, что наличие текстов, в которых речь идет об отмеченной ситуации подготовки к восприятию духовных истин, божественного откровения, послужило основой для употребления прилагательного (в частности, в контексте глаголов восприятия) как характеристики особого состояния человека — его открытости высшим ценностям, а также особого состояния его души, которая представляется особым органом восприятия, носителем религиозного и этического начала; ср.: *прости убо испълняем молитвы* (Ефремовская кормчая, XII). Таким образом, можно говорить о семантическом переходе ‘стоящий прямо’ → ‘направленный вверх’ → ‘направленный к Богу’ → ‘открытый Богу, высшим ценностям’. Впоследствии прилагательное *простой* в данном значении, а также композиты, образованные на базе словосочетания *простая душа*, видимо, стали употребляться в более широком смысле, указывая на особое свойство человека — его открытость миру, нежелание и неумение обманывать, хитрить, скрывать свои настоящие мысли и чувства (т. е. *кривить душой*)¹². Ср. совр.: *Татьяна — хитрая, себе на уме, а эта была такая простая... Ну прямо нездеишняя какая-то* (А. Мальшева, Зеркало смерти).

Другим органом, вмещающим внутренний мир человека и определяющим его эмоциональное отношение к миру, является *сердце*. Существительное *сердце* сочеталось со словом *простой* и образовывало словосочетание *в простоте сердца* (ср. совр. *в сердечной простоте*), указывая на такие свойства, как искренность, непорочность; ср.: *Дом веры — мысль младенческа ест(ь) и с(е)рдцо просто, в простоте бо рече с(е)рдца своего славеху б(о)га* (Слово Исаака Сирина, 1416), а также *простосердечие*, диал. *простосердие* (волог.). Прилагательные *сердечный*, *сердый*, встречающиеся в древнерусской письменности с XVI в., также могли иметь значение ‘искренний’. Таким образом, можно сказать, что в композитах *простосердечный*, *простосердечно*, а также диал. *простосердый* один и тот же смысл выражен дважды.

В современном русском литературном языке прилагательное *простой* может характеризовать *характер* человека как такой, который свойственен искреннему человеку, а также внешние проявления свойства искренность; ср. *простые нравы*, а также зафиксированное в древнерусской письменности слово *простонравие*: *смирению твоему подивился и простонравию блаженному* (Письмо Ивана Неронова, 1654).

¹¹ Отмеченной, по всей видимости, являлась и ситуация прямохождения; ср. зафиксированные в древнерусской письменности прилагательные *простошественный*, *простоходный*: *Ч(е)л(ове)к ес(ть) животно и словесно, простошественно (орвоперипатѣтикѡν)*; *Ч(е)л(ове)к ес(ть) смеятельно. простоходно (орвоперипатѣтикѡν)* (Дамаскин, Диалектика; Великие Четы-Минеи, декабрь 1—5; XVI).

¹² Данное свойство также может оцениваться двояко: ср. совр. *прямодушный* (скорее положительная оценка) и *прямолинейный* (скорее негативная оценка).

Наконец, заслуживают внимания композиты, фиксирующиеся только в диалектах: *простовара* (арх.) ‘невкусное, плохое кушанье’; *простоплетки* (твер., орл., ряз.) ‘лапти простого, не очень прочного плетения’ *простоплеты* (ряз.) ‘лапти, сплетенные в два лыка’; *простовивки* (твер.) ‘лапти простого, не очень прочного плетения’, *простовивки* (ряз.) ‘веревка, сплетенная из двух прядей’, *простовивчатый* (тул.) ‘сплетенный из двух прялей (о веревке)’; *простоузорка* (свердл.) ‘скатерть с вышивкой простым узором’. В этим композитам примыкают слова *простка* (пск., клин.) ‘простой холст в две нитки’; *простка* (новг.) ‘гладкий холст без узора’; *простоишный* (новг.) ‘гладкий, без узоров, вытканый в две нитки’. Во всех этих случаях прилагательное *простой* реализует значение ‘такой, который не имеет частей или свойств, не связанных с основным предназначением данного объекта’. Данная лексема в др.-р. и современном русском языке характеризует объекты, подлежащие оценке с точки зрения эстетики или вкуса. Оно сочетается с названиями *произведений, артефактов* и их частей: *одежды, обуви, аксессуаров, мебели*, а также *объектов архитектуры, блюд* и т. д., которые могут, кроме прагматической, иметь иную ценность (например, эстетическую или гастрономическую).

Итак, можно сказать, что сложные слова, включающие в качестве первого элемента корень *прост-*, образованы по двум семантическим моделям: 1) дублирование смысла (*простолюдин, простофиля, простодуроватый, простодырь, простодыра, простодырьий, простоволье, простоволя, простовольно, простовольный, простопорожний, простосердечный, простосердый*); 2) сохранение семантической структуры словосочетания, легшего в основу композита (*простонародный, простонародно, простонародье, просторечный, просторечно, просторечие, простоденный, простодневный, простоумие, простоумный, простоумый, простоумка, просторазумие, простодумец, простодумка, простодумок, простодушие, простодушно, простодушный, простосердечие, простонравие, простокваша, простокиша, простоцвет, простоволосый, простовласый, простоволоска, простоволосица, простомол, простомолка, простомолот, просторазмол, простомольный, простовара, простоплетки, простоплеты, простовивки, простовивчатый, простоузорка*).

Таким образом, можно утверждать, что весь круг композитов, включающих формант *прост(о)-*, получает семантическое обоснование только при обращении к функционированию прилагательного вне пределов современного литературного языка. Данные древнерусских текстов и диалектов позволяют также прояснить внутреннюю связь, существующую между отдельными значениями прилагательного *простой*, которые плохо выявляются при синхронном описании многозначности этого слова.

Е. Э. Бабаева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

levidova@dol.ru

ЛИТЕРАТУРА

- БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М., 1948—1965.
- БТС — Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. М., 2003.
- МАС — Словарь современного русского литературного языка в четырех томах. Т. I—IV. М., 1981—1984.
- НОСС — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., исправленное и дополненное / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.
- СДРЯ XI—XIV — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1— М., 1988 — (продолжающееся издание).
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. В. 1— М., 1966 — (продолжающееся издание).
- СРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. I— М., 1971 — (продолжающееся издание).
- СОШ — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- СС — Старославянский словарь (по рукописям X—XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.
- СУш — Толковый словарь русского языка. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I—IV. М., 1934—1940.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. В. I— М., 1974 — (продолжающееся издание)
- Бабаева 2006 — Бабаева Е. Э. Формирование семантической структуры слова *простой* в русском языке // Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Санников А. В., Урысон Е. В. Языковая картина мира и системная лексикография / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2006.
- Бабаева 2006а — Бабаева Е. Э. Простой путь: история одного словосочетания // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006.
- Богуславская 2006 — Богуславская О. Б. Интеллектуальные способности и деятельность человека в зеркале прилагательных // Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Санников А. В., Урысон Е. В. Языковая картина мира и системная лексикография / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2006.
- Вандриес 2001 — Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 2001.
- Виноградов 1994 — Виноградов В. В. История слов. М., 1994.
- Даль I—IV — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1956
- Преображенский I—II — Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. I—II. М., 1958—1959.
- Срезневский I—III — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. М., 1893—1912.
- Ульман 1970 — Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии. М., 1970.
- Фасмер I—IV — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1986—1987.
- Шмелев 1973 — Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.

-
- Kuryłowicz 1977 — *Kuryłowicz E.* Problèmes de linguistique indo-européen. Wrocław, 1977.
Sappan 1983 — *Sappan R.* The Logical-Rhetorical Classification of Semantic Changes. Safra; Rehovot, 1983.
SJS — Slovník jazyka staslověnského. Praha, 1966—1997. Репринт. изд. Т. I—IV. СПб., 2006.